

ISSN 2307-4671

Журнал основан в 2007 г.

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФГБОУ ВПО «АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ЛАБОРАТОРИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ
И РЕЛИГИОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

АЗИАТСКИЙ ЭКСПЕРТНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЦЕНТР ЭТНОЛОГИИ
И МЕЖДУНАРОДНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

**МИРОВОЗЗРЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ
ЮЖНОЙ СИБИРИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ**

ВЫПУСК IX

Барнаул

Издательство Алтайского
государственного университета

2016

Главный редактор:

П.К. Дашковский, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Редакционная коллегия:

А.П. Забияко, доктор философских наук (Россия, Благовещенск)

А.К. Погасий, доктор философских наук (Россия, Казань)

Т.Д. Скрынникова, доктор исторических наук (Россия, Санкт-Петербург)

О.М. Хомушку, доктор философских наук (Россия, Кызыл)

Е.А. Шершинева (отв. секретарь), кандидат исторических наук (Россия, Барнаул)

Редакционный совет журнала:

Л.Н. Ермоленко, доктор исторических наук (Россия, Кемерово)

Л.С. Марсадолов, доктор культурологии (Россия, Санкт-Петербург)

С.А. Яценко, доктор исторических наук (Россия, Москва)

К.А. Руденко, доктор исторических наук (Россия, Казань)

Г.Г. Пиков, доктор культурологии (Россия, Новосибирск)

Л.И. Шерстова, доктор исторических наук (Россия, Томск)

А.С. Жанбасинова, доктор исторических наук (Казахстан, Усть-Каменогорск)

С.Д. Атдаев, кандидат исторических наук (Туркменистан, Ашхабад)

О.Ч. Касимов, доктор филологических наук (Таджикистан, Душанбе)

Н.И. Осмонова, кандидат философских наук (Кыргызстан, Бишкек)

Н. Цэдэв, доктор педагогики (Ph.D) (Монголия, Улан-Батор)

Ц. Степанов, доктор исторических наук (Ph.D) (Болгария, София)

*Журнал утвержден Научно-техническим советом
Алтайского государственного университета*

Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе / под ред. П.К. Дашковско-го. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2016. – Вып. IX. – 280 с.: ил.

ISSN 2307-4671

Представлены результаты изучения различных мировоззренческих систем народов, проживавших на территории Южной Сибири и Центральной Азии в древности, эпоху средневековья и в период этнографической современности. Ряд работ посвящен изучению религиозных верований и обрядов современных традиционных обществ, новым религиозным движениям, а также особенностям государственно-конфессиональной политики.

Издание рассчитано на религиоведов, историков, археологов, этнографов, культурологов и всех интересующихся историей религий и культуры народов Азии.

*Подготовлено и издано при частичной финансовой поддержке гранта
РГНФ-МинОКН Монголии (проект №16-21-03001 «Историко-этнографическое изучение развития религиозного ландшафта в трансграничном пространстве Южной Сибири и Монголии»)*

© Оформление. Изд-во Алтайского
государственного университета, 2016

ISSN 2307-4671
The journal was Founded in 2007

THE MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE
OF THE RUSSIAN FEDERATION
ALTAI STATE UNIVERSITY
LABORATORY OF THE ETHNOCULTURAL
AND RELIGION SCIENCE RESEARCH
ASIAN EXPERT-ANALYTICAL CENTER OF ETHNOLOGY
AND INTERNATIONAL EDUCATIONAL COOPERATION

**THE WORLDVIEW OF THE POPULATION
OF THE SOUTH SIBERIA AND CENTRAL ASIA
IN THE HISTORICAL RETROSPECTION**

IX ISSUE

Barnaul – 2016

Executive editor:
P.K. Dashkovskiy (doctor of Historical sciences)

The editorial Board:
A.P. Zabiylko, doctor of philosophical sciences (Russia, Blagoveshchensk)
A.K. Pogassiy, doctor of philosophical sciences (Russia, Kazan)
T.D. Skrynnikova, doctor of historical sciences (Russia, Saint-Petersburg)
O.M. Homushku, doctor of philosophy (Russia, Kyzyl)
E.A. Shershneva (resp. secretary), candidate of historical sciences
(Russia, Barnaul)

The journal editorial Board:
L.N. Yarmolenko, doctor of historical sciences (Russia, Kemerovo)
L.S. Marsadolov, doctor of Culturology (Russia, St. Petersburg)
S.A. Yatsenko, doctor of historical sciences (Russia, Moscow)
K.A. Rudenko, doctor of historical sciences (Russia, Kazan)
G.G. Pikov, doctor of cultural studies (Russia, Novosibirsk)
L.I. Sherstova, doctor of historical sciences (Russia, Tomsk)
A.S. Zhanbosynov, doctor of historical sciences (Kazakhstan,
Ust-Kamenogorsk)
D.S. Ataev, candidate of historical sciences (Turkmenistan, Ashgabat)
O.Ch. Kasimov, doctor of philological sciences (Dushanbe, Tajikistan)
N.I. Osmonova, candidate of philosophical sciences (Kyrgyzstan, Bishkek)
N. Cedev, doctor of pedagogical sciences (PH.D) (Mongolia, Ulaanbaatar)
Ts. Stepanov, doctor of historical sciences (PH.D) (Bolgariy, Sofiy)

*The journal is approved by the Scientific and technical council
of Altai state University*

The worldview of the population of the South Siberia and Central Asia in the historical retrospection / Ex. editor P.K. Dashkovski. – Barnaul, 2016. – IX issue. – 280 p.

In the collection of the papers the results of the research of the various world view system of the people lived on the territory of the South Siberia and Central Asia in ancient times, in the epoch of the Middle age and in the period of the ethnographical present. Series of works are devoted to the research of the religious beliefs and rituals of the modern and traditional societies, new religious movements as well as the features of the state-confessional relations.

The book is directed towards the specialists of the religious study, historians, archaeologists, ethnographers, specialists on the cultural studies and everyone who are interested in the history of religions and culture of the people of Asia.

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I. РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР В ИСТОРИИ ДРЕВНИХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ НАРОДОВ ЕВРАЗИИ

<i>Сериков Ю.Б.</i> Сакральный аспект кладов каменных изделий на территории Урала	7
<i>Ковалевский С.А.</i> О верованиях и обрядах ирменского населения	30
<i>Дашковский П.К.</i> Могильник пазырыкской культуры Ханкаринский дол на Алтае: характеристика погребального обряда и основные направления междисциплинарных исследований.....	42
<i>Серегин Н.Н.</i> Погребальный ритуал раннесредневековых тюрок Монголии	66
<i>Кожя М.Б.</i> Огузские поминальные храмы.....	85
<i>Илюшин А.М., Онищенко С.С.</i> Кипчакские обереги по результатам раскопок средневековых жилищ на Торопово-7.....	101
<i>Рыбаков Н.И.</i> Петроглифы горы Чуртаг и ее окрестностей	108

Раздел II. ТРАДИЦИОННОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ И ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СИБИРИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

<i>Атдаев С.Д.</i> Экологические аспекты туркменской охоты.....	122
<i>Бурнаков В.А.</i> <i>Ызых т тӧс’ы</i> – ‘Священные фетиши’ в культовой практике хакасов (конец XIX – середина XX в.).....	128
<i>Головизнин М.В.</i> Сибирское храмовое барокко в европейском Предуралье: случайность или обратное движение культурной волны с Востока на Запад	141
<i>Нуржанов А.А.</i> Истоки праздника Навруз	170

Раздел III. ПОЛОЖЕНИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ОБЩИН И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В РОССИИ И СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

<i>Билотас В.</i> Католики Южной Сибири и Центральной Азии: места проживания и численность согласно церковным регистрам второй половины XIX в.....	182
<i>Волоснов Р.Ю.</i> Политика духовных властей Томской епархии по активизации открытия и дальнейшего развития начальных	

церковных школ в сельской местности в конце XIX – начале XX в.	192
<i>Кацаева М.В.</i> Иудейские общины Юго-Западной Сибири в начале XXI в.	200
<i>Марсадолова Т.Л.</i> И.М. Сибиряков: от Сибири до Афона.....	208
<i>Почекаев Р.Ю.</i> «Заповедные места» в среднеазиатских ханствах по сведениям русских и путешественников XIX в.....	222
<i>Султанов Т.И.</i> Новый этап имперского политогенеза в Центральной Азии и его кризис (XIII–XVIII вв.)	233

Раздел IV. РЕЦЕНЗИИ. КРИТИКА. БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Дашковский П.К.</i> Религиозный ландшафт Западной Сибири и сопредельных регионов Центральной Азии: концепция книги ...	254
<i>Погасий А.К.</i> Кому и как не нужно писать книги по религиоведению (рецензия на учебное пособие «Основы конфессиональных знаний».....	265
Список сокращений	271
Сведения об авторах	273

- Наливкин В. Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1886. 215 с.
- Обозрение Кокандского ханства в нынешнем его состоянии // Записки Русского географического общества. 1849. Кн. III. С. 176–216.
- Пантусов Н.Н. Сборы и пошлины в бывшем Кокандском ханстве // Туркестанские ведомости. 1876. №17.
- Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 гг. гвардейского генерального штаба капитана Николая Муравьева, посланного в сии страны для переговоров. М., 1822. Ч. II. 144 с.
- Самаркандские документы XV–XVI вв. (О владениях Ходжи Ахрара в Средней Азии и Афганистане). М., 1974. 631 с.
- Семенов А.А. Очерк поземельно-податного и налогового устройства б. Бухарского ханства (Труды Средне-Азиатского государственного университета. Сер. II: Orientalia. Вып. 1). Ташкент, 1929. 54 с.
- Тихонов Д.И. Хозяйство и общественный строй Уйгурского государства X–XIV вв. М.; Л., 1966. 288 с.
- Троицкая А.Л. «Заповедники»-курук кокандского хана Худояра // Сборник Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1955. Т. III. С. 122–156.
- Троицкая А.Л. Материалы по истории Кокандского ханства XIX в. по документам архива кокандских ханов. М., 1969. 156 с.
- Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. Алматы, 2002. 604 с.
- Хорошхин А.П. Очерки Коканда // Хорошхин А.П. Сборник статей, касающихся до Туркестанского края. СПб., 1876. С. 39–52.

Т.И. Султанов

*Восточный факультет Санкт-Петербургского
государственного университета*

НОВЫЙ ЭТАП ИМПЕРСКОГО ПОЛИТОГЕНЕЗА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И ЕГО КРИЗИС (XIII–XVIII вв.)

Создание империи Чингиз-хана ознаменовало новый этап в политическом развитии центральноазиатского региона, сопровождавшийся ломкой прежде существовавших политических институтов, средств легитимации власти и системы управления. В статье дается характеристика основных изменений политического устройства Монгольской империи и государств Чингизидов, рассматриваются общие принципы прихода к власти монархов, особенности взаимоотношения их со своими подданными, прослеживается эволюция имперских политических институтов в условиях кризиса чингизидской системы управления в результате распада имперских государств и возникновения новых государственных образований в отдельных регионах некогда об-

ширной империи. Также критически анализируются мнения различных исследователей о роли Чингиз-хана и Чигизидов в политогенезе Центральной Азии, о степени внесенных ими изменений в политическую и социально-экономическую жизнь покоренных стран и регионов. Автор приходит к выводу, что даже многие века спустя, несмотря на существенно изменившуюся политическую обстановку, некоторые традиции империи Чингизидов продолжали существовать в ряде государств Центральной Азии.

Ключевые слова: Центральная Азия, Монгольская империя, Чингиз-хан, Чингизиды, тюрко-монгольская государственность, политогенез, система управления, легитимация власти.

С образованием в 1206 г. Йеке Монгол улуса («Великого Монгольского государства») и завоеваниями монголов в XIII в. в истории Азии и Восточной Европы начался новый этап политогенеза. Начало ее следует датировать, вероятно, событиями весны 1206 г., года Барса, когда у истоков реки Онон состоялся курултай монгольской знати, на котором Темучин торжественно был провозглашен единственным легитимным ханом единого монгольского государства, составленного из улусов всех покоренных им монгольских племен.

Чингиз-хан отличался не только личной отвагой и острым умом; у него был сильный характер, неограниченное властолюбие, громадные государственные способности. Трезвый и дальновидный политик, он был последователен и настойчив в достижении своих целей, непреклонно суров в борьбе с противниками. Чингиз-хан был человеком такой внутренней силы, что оказался способным придать четкий облик своему государству.

Государство, созданное Чингиз-ханом, получило название Йеке Монгол улус («Великое Монгольское государство») (Мэн-дэ бэй-лу, 1975, с. 123, прим. 93). Чингиз-хан внес в государственное устройство стройную, тщательно выработанную военную и административную организацию, оказавшуюся, по словам В.В. Бартольда (1966б, с. 312–313), «долговечнее не только основанной им империи, но и государств, образовавшихся после ее распада. Даже после того как господство монголов сменилось господством турецких военачальников или иностранных династий, законы Чингиз-хана сохраняли свою силу».

Так, было установлено, что «тому, кто на царском троне сидит, один только титул приличествует – хан и каан. Братья же его и родичи пусть зовутся каждый своим первоначальным, личным именем». Местопребывание хана, его семьи и окружения составляло его ставку – орду. В качестве знака ханской власти в его ставке было водружено

знамя с девятью белыми конскими хвостами. Хана охраняла гвардейская стража (кешик, кешиктены). Служба, которую должна была нести эта гвардия кешиктенов численностью в 10 000 человек в ставке хана, была определена до мельчайших деталей; дисциплина соблюдалась с исключительной строгостью. Гвардия кешиктенов была надежной опорой Чингиз-хана, с ней он отправлялся в походы, на нее опирался для укрепления своей власти и с помощью ее подавлял всякое недовольство. Именно из десяти тысячной охранной гвардии вышло большинство военачальников Чингиз-хана и управителей делами его государства.

Точные правила были установлены также для царской охоты, которая, как отметил В.В. Бартольд, в монгольском государстве была не только забавой, но, прежде всего, источником продовольствия; кроме того, она имела значение маневров для войска.

Параллельно с созданием войска Чингиз-хан работал над организацией внутреннего устройства Монгольского государства. Вся территория и население государства делились на три военно-административных округа: правое крыло (бараунгар), левое крыло (джунгар) и центр (гол). Каждый округ делился на тьмы (тумены), состоявшие из десяти тысяч человек, «тысячи» – из «сотен», а «сотни» – из десяти «десятков». Как уверяет Джувайни, в Монгольском государстве не было человека, который был бы вне сотни, тысячи или тьмы, к которой он был приписан. Всего, согласно «Сокровенному сказанию», монгольскому памятнику 1240 г., Монголия была поделена на 85 «тысяч» – военно-административных единиц, розданных во владение родственникам и сподвижникам Чингиз-хана. Также были учреждены придворные должности.

В основанном Чингиз-ханом государстве, как и во всех кочевых империях, действовал принцип, согласно которому государство принадлежит не государю лично, а царствующему роду, и каждый член этого рода имеет право на удел. Этот принцип государственного устройства монголов замечательно метко был подмечен наблюдательным историком Джувайни и зафиксирован в таких словах: «Хотя по видимости правление и страна вверены одному лицу, наделенному ханским достоинством, в действительности все потомки и дядья по отцу сообща владеют землей и общественным богатством» (The Tarikh..., 1912, p. 30–31).

Следуя этому же принципу, Чингиз-хан еще при жизни назначил определенный удел каждому из своих сыновей, за исключением младшего сына от старшей жены Борте, Тулуя, который, по монгольскому обычаю, должен был наследовать «коренной юрт» (т.е. первоначальные владения) своего отца после его кончины (см.: Бар-

тольд В.В., 1963г, с. 447–453; Трепавлов В.В., 1993; Кычанов Е.И., 1997, с. 187–200; Сандаг, 1977, с. 33–38).

Преобразования Чингиз-хана привели к формированию в Центральной Азии новой властной элиты – «золотого рода» (алтан уруг) Чингиз-хана, создавшего в Центральной Евразии на много веков вперед устойчивую политическую традицию, определявшую и регулировавшую систему властных отношений внутри государств-наследников Монгольской империи. Чингиз-хан отделил от родного племени кият-борджигин своих сыновей и ближайших родичей и определил каждому из них «степень (мартабэ) высокого сана и звания». Все пять сыновей Чингиз-хана – Джучи, Чагатай, Угедей, Тулуй, Кулкан и их потомки – получили права царевичей (шахзаде). Из всех своих братьев и сыновей братьев он выделил только Джочи-Касара и его потомков, установив им степень царевичей; остальные вошли в состав высшей аристократии страны (Рашид ад-Дин, 1952, с. 51, 71; Бартольд В.В., 1963г, с. 451; Султанов Т.И., 2006, с. 19–20).

История Монгольской империи после смерти ее основателя сложилась, однако, так, что только первые четыре сына Чингиз-хана от его старшей жены Борте стали родоначальниками царевичей и государей чингизидских улусов, т.е. прародителями членов алтан уруга («золотого рода»). Потомки пятого сына Чингиз-хана Кулкана сошли с исторической арены и никогда и нигде не царствовали. Известен случай, когда в 1336 г. на престол Табаристана (область вдоль южного побережья Каспийского моря) был возведен потомок Джочи-Касара (Хасара), по имени Того-Тимур (Муджмал-и Фасихи, 1960, с. 62; Хамдаллах Мустауфи Казвини, 1986, с. 101, 137). Однако в действительности даже в самой Монголии на потомков Джочи-Касара смотрели косо, «как бы не совсем признавая, порой, их равноправными настоящими тайджи (царевичами)» (Владимирцов Б.Я., 1934, с. 146). С позиции политического сознания той эпохи, настоящими членами алтан уруга были только Джучи, Чагатай, Угедей, Тулуй и их мужские потомки, рожденные как от законной жены, так и от наложницы или служанки.

В самой Монголии царевичей дома Чингиз-хана именовали кобегун, со времени монгольской династии Юань (1260–1368) – тайджи, словом, взятым из китайского языка. В западных улусах Чингизидов для обозначения принцев крови употреблялись совсем иные слова и титулы, а именно: шахзаде, падишахзаде («царский сын»), песар (букв. «сын» и тюркское слово *огул* или *оглан* (букв. «сын»). С XIV в. наиболее употребительным титулом каждого члена этой династии становится арабское слово *султан* (Султанов Т.И., 2006, с. 20].

Источником политической власти членов «золотого рода» была генеалогия, а именно: их принадлежность к прямым потомкам Чингиз-хана по мужской линии. Понятие о наследственных правах потомков Чингиз-хана на верховную власть ярче всего выражено в короткой фразе великого путешественника XIII в. Марко Поло: «И только тот, кто происходит по прямой линии от Чингиз-хана, может быть государем всех татар» (Книга Марко Поло, 2004, с. 221).

Чингиз-хану, как известно, пришлось самому заложить основу своей власти и государства, не получив никакого наследства от отца. Для легитимации власти Чингиз-хана, человека, не принадлежащего к правящему дому, была использована идея божественной предопределенности его власти, мастерски воплощенная в красочной легенде об Алан-Гоа, матери «отмеченного печатью небесного происхождения» Бодончара, отдаленного предка Чингиз-хана. Следовательно, Чингиз-хан – государь божьей милостью, истинный герой своего времени. Он угоден Вечному Синему Небу, его власть дарована ему Небом и потому для утверждения в своих правах на верховное руководство народами и странами он не нуждается в человеческих санкциях, в согласии и одобрении людей. Более того, Чингиз-хан, как государь по велению Вечного Неба, – сам источник права на власть.

Идея о небесном мандате Чингиз-хана на правление земной империей без границ стала официальной идеологией Великого Монгольского государства. И, как показывают материалы источников, деятельность всех четырех великих ханов Монгольской империи – Угедея, Гуюка, Мунке, Хубилая – осуществлялась согласно принципам именно этой официальной идеологической доктрины, отчетливо провозгласившей незыблемость власти Чингиз-хана и Чингизидов над ойкуменой и руководящую роль монголов над всеми прочими народами (Султанов Т.И., 2006, с. 56–61).

Согласно древнемонгольской концепции власти, верховная власть в государстве сосредоточена в лице хана и является наследственной в роду Чингиз-хана. Легитимация власти Чингиз-хана жалована Небом. Исключительное право на царство признается только за первыми четверью сыновьями Чингиз-хана от старшей жены Борте (это Джучи, Чагатай, Угедей, Тулуй) и их прямыми потомками, которые, собственно, и составляют алтан уруг («золотой род») – правящую монгольскую династию.

Единственный источник права на верховную власть – это воля «золотого рода»; высшим непосредственным выражением власти «золотого рода» является курултай – собрание царевичей и знати. Ханом

может быть любой член алтан уруга, если он будет признан большинством «золотого рода» достойнейшим по своим качествам и утвержден на курултае царевичей и высшей аристократии. Хан, права которого не основаны на признании его со стороны большинства «золотого рода» и утверждения на курултае, – узурпатор и подлежит наказанию.

Таким образом, царствующий род как бы делегировал одного из своих членов на исполнение определенных функций, наделив его известными правами. Этим прав и властных функций было, как и у главы древних кочевников, пять. Вот их перечень.

Хан как глава действующего рода и верховный сюзерен всех подданных государства имел верховное право распоряжаться всей территорией страны, всеми землями, принадлежавшими улусам, право, которое было следствием основной функции и главной обязанности – вооруженная охрана страны от внешних врагов.

Хану принадлежало право объявления войны и заключения мира, бывшее следствием его функции верховного главнокомандующего.

Хану принадлежало верховное право переговоров с иностранными государствами, что являлось следствием его функции определять внешнеполитический курс государства.

Хану принадлежало право убить или оставить в живых своего подчиненного – право, бывшее следствием его функции верховного судьи.

Наконец, хану принадлежало право создавать законы и обязательные для всех членов общества приказания – право, бывшее следствием его функции сохранять существующее общественное устройство и порядок.

Итак, действовавшая система давала в руки хана огромную власть, фактически бесконтрольную. Но каждый отдельный правитель обладал той полнотой власти, какую давали ему его личные качества и врожденные добродетели. Если государь был сильной харизматической личностью, то его власть была абсолютной, и решающее слово всегда оставалось за ним, даже если он действовал вопреки мнению своего окружения; едва ли не единственным ограничением власти могущественного хана-чингизида служила Яса Чингиз-хана. Если же хан был слабым, заурядным человеком, то «и ртом, и языком, и волею» его правило его ближайшее окружение в лице какого-нибудь «умного аталыка» или «энергичного инака». Нередко фактическая власть в государстве принадлежала могущественнейшему из султанов, который нередко также принимал ханский титул; бывало и так, что в одном государстве в одно и то же время титул хана носи-

ли сразу несколько султанов. Известны случаи совместного царствования двух и даже четырех Чингизидов. Тем не менее, нормой политического порядка в Йеке Монгол улусе (Великом Монгольском государстве) и государствах Чингизидов было единовластие; все случаи двоевластия и совместного царствования нескольких Чингизидов следует рассматривать как отступление от этого порядка.

Образование Монгольской империи было единственным в своем роде событием в мировой истории. «В первый и последний раз в истории произошло совершенно исключительное явление: под властью одного народа и одной династии образовалась империя, объединившая не только все кочевые народы от Китая до Восточной Европы, но и все культурные государства Дальнего Востока и Передней Азии» (Бартольд В.В., 1968в, с. 435).

Итак, к 60-м гг. XIII в. огромные, поражающие воображение размеры Монгольской империи сложились окончательно. Однако те же 60-е гг. XIII в. были вместе с тем и годами распада Монгольской империи как единого государственного целого. Жизнь универсальной Монгольской империи как целого сменилась самостоятельным политическим бытием четырех отдельных монгольских государств. Небезынтересно отметить, что до нас дошла сокращенная редакция исторического труда – «Та’рих-и арба’ улус» («История четырех улусов»), т.е. история четырех государств, образовавшихся после распада Монгольской империи: «Великого йурта» (Китая и Монголии), государства Джучидов (Золотой Орды), государства Хулагуидов в Персии и Чагатайского государства в Средней Азии. Мусульманская книжная традиция приписывает авторство этого труда знаменитому внуку эмира Тимура Улугбеку (ум. в 1449 г.) (Бартольд В.В., 1963а, с. 141–142; Ахмедов Б.А., 1994; Султанов Т.И., 2005, с. 64–65). Историческая судьба этих четырех монгольских государств сложилась по-разному. Потомство Тулуя, правившее в Китае (династия Юань), китаизировалось. Потомки Тулуя сохраняли власть в собственно Монголии до XVIII в., а в Китае они правили только до 1368 г., когда на смену им пришла династия Мин (1368–1644). Последний ильхан Абу Саид умер в 1335 г., и государство Хулагуидов в Иране распалось между 1336 и 1353 гг. Династия Чагатаидов прекратила свое существование в конце XVII в. Зато Джучиды, потомки старшего сына Чингиз-хана, сохраняли верховную власть в Дешт-и Кипчаке и смежных регионах очень долго – до середины XIX в.

Говоря о последствиях монгольского завоевания, можно сослаться на мнение В.В. Бартольда (1968а, с. 132–133): «Монгольские

завоевания, по всем известиям, были связаны со страшным избиением населения. Европейскими учеными обыкновенно принимается в расчет только избиение кочевниками жителей культурных стран; на самом деле политическое объединение кочевников и в этом случае, как и во всех других, было достигнуто только после долгой и кровавой борьбы, иногда связанной с систематическим истреблением целой народности, так что трудно было бы сказать, было ли истреблено войском Чингиз-хана больше народа в степи или в культурных странах».

Жесткость Чингиз-хана, переходящая в жестокость, из свойств его личности была возведена в разряд средств государственной политики. Чингиз-хан сознательно применял жестокие методы ведения войны, предусматривавшие широкое применение репрессий. В его биликах (высказываниях) есть такая фраза: «Мы отправляемся на охоту и убиваем много изюбрей, мы выступаем в поход и убиваем много врагов» (Рашид ад-Дин, 1952, с. 261).

В мусульманских источниках зафиксировано около трех десятков случаев «всеобщей резни» при взятии городов монголами. Вот отзыв о тех кровавых событиях и их последствиях мусульманского историка ан-Несеви, участника войны с монголами: «Кровопролитие, грабежи и разрушения были таковы, что поселения пали, как скошенная трава, а земледельцы уходили голые. Было извлечено открытое и закрытое, выжато явное и спрятанное, и стало так, что не было слышно ни блеяния, ни рева; лишь кричали совы и отзывалось эхо...» Джувайни, который дает в своей книге «История завоевания мира» полный обзор монгольских походов, пишет так: «Поскольку от дерзостного богатства, славы и величия, большинство городов и множество областей встретили [Чингиз-хана] восстанием и ненавистью и от принятия повинования отвратили главы свои, – особенно исламские земли от границ Туркестана до пределов Сирии, – то повсюду, где был падишах, либо владетель страны, либо управитель города, что встретили (его) враждебно, всех их уничтожили с семьями, приспешниками, сродниками и чужаками, Так что, где было народу сто тысяч, без преувеличения, и сотни не осталось» (The Tarikh..., 1912, p. 17).

Согласно исследованию профессора И.П. Петрушевского, первым последствием монгольского завоевания было резкое сокращение населения в покоренных монголами странах. Другое последствие – огромный экономический упадок земледельческих областей и городской жизни Средней Азии и Ирана. «Экономика обеих этих стран и позднее, до начала XIX в., никогда не достигала того уровня, на каком она находилась в начале XIII в.». Еще одним последствием мон-

гольского завоевания была инфильтрация в Среднюю Азию больших масс кочевников – не столько самих монголов, сколько пришедших с ними тюркских племен из Восточного Туркестана и Дешт-и Кипчака. Это вызвало сокращение площади земледелия и усиление кочевого скотоводческого сектора экономики за счет земледелия. Уже миссионер В. Рубрук, напоминает И.П. Петрушевский (1977, с. 124–126), проезжавший через Семиречье в 1253 г., говорил об упадке земледельческой культуры, о превращении обработанных земель в пастбища кочевников и об исчезновении ряда городов (см. также: История, 1979, с. 137–146).

Есть исследователи, которые пытались оправдать жестокость Чингиз-хана воззрениями той среды, в которой он жил. Однако, как справедливо заметил В.В. Бартольд (1968г, с. 451–452), основатель русской школы туркестановедения, «...в подобных попытках оправдания не нуждается ни исторический народ, ни исторический деятель. Историк приходится брать ход истории таким, каким он был и каким он не мог бы быть, если бы не было людей, готовых проливать кровь ради достижения своих личных честолюбивых целей. Находящаяся уже в «Сокровенном сказании» легенда о том, что Чингиз-хан родился с комком запекшейся крови в руке, наглядно показывает, что количество крови, пролитой Чингиз-ханом, поражало и его монголов, несмотря на то, что представление о нравственной ответственности перед «Вечным Небом» не только было «смутным», но едва ли вообще существовало. Монгольское язычество еще было на той стадии развития, когда в религиозные воззрения еще не вносятся этические начала. С представлением о пролитой крови не только не связывалось представление о загробной ответственности, но, напротив, существовало представление, что убитые люди будут служить на том свете тому, кто их убил или ради кого они были убиты».

В XIII в. монголы основали самую обширную из когда-либо существовавших империй и оказали большое влияние на многие сферы жизни покоренных им народов и стран. При этом такие ошеломляюще исключительные результаты были достигнуты народом немногочисленным. На рубеже XII–XIII вв., по всем известиям, на территории собственно Монголии обитало около 1 млн. кочевого населения (см.: Крадин, Скрынникова, 2006, с. 425–426).

Касаясь вопроса образования Монгольской империи, В.В. Бартольд неоднократно отмечал, что:

– в отличие от вторжения германцев в римские области или, например, сельджукского нашествия на Переднюю Азию, сопровож-

давшихся переселением целого народа в другие страны, монгольское завоевание не было переселением народов;

– подавляющее большинство монгольского народа и после образования империи осталось в Монголии, куда вернулся сам Чингизхан и где его преемники построили себе столицу на Орхоне;

– этнографическая граница Монгольского государства осталась такой же, какой была до завоевания Чингиз-хана;

– последствием монгольских походов не могло не быть некоторое передвижение кочевых народов с востока на запад, вообще усиление в Средней Азии кочевого элемента;

– вне пределов собственно Монголии, где большинство населения, по всем признакам, говорило на монгольском языке еще до Чингиз-хана, монголы довольно быстро подчинились лингвистическому и этнографическому влиянию более культурных народов;

– из потомков монголов, завоевавших в XIII в. Переднюю Азию и в конце того же столетия принявших ислам, в настоящее время (в 1910 г. – *Т.С.*) говорит по-монгольски только небольшое племя в Афганистане – хезарейцы, а в Восточной Азии, именно в Кукунорской области, сохранился тоже небольшой народ толмукгун – от 300 до 400 семейств, – исповедующий ислам и говорящий по-монгольски;

– калмакское, или ойратское, движение произошло гораздо позже и не имело к Монгольской империи никакого отношения (Бартольд В.В., 1963а, с. 258; 1963б, с. 150; 1963в, 704–705; 1968а, с. 133; 1968б, с. 211). В 1960 г. И.П. Петрушевским (1960, с. 42–43) были пересмотрены взгляды академика В.В. Бартольда на масштабы передвижений монголов в XIII в.. Однако сделанные им некоторые дополнения и уточнения, по мнению пишущего эти строки, н и к а к не поколебали изложенные выше в семи пунктах основные выводы В.В. Бартольда о передвижении монголов.

Несомненно, монгольское завоевание XIII в. оказало значительное влияние на судьбы покоренных монголами народов и стран. Оно изменило политическую карту Центральной Евразии, этническую карту расселения азиатских кочевых племен, повлияло на образование новых кочевых народностей, которые говорили по-тюркски. Оно в какой-то мере изменило ценностные ориентации и черты быта, например, тюрков: если прежде в одежде тюрков Евразии запэх был справа налево, то с монгольской эпохи (и по сей день) – слева направо; если прежде двери юрт тюрков были ориентированы на Восток, то с эпохи Чингиз-хана культ Юга сделался официальным для всей степи, подчинившейся монголам, «и в настоящее время едва ли не во всех местностях Средней Азии, входивших некогда в состав Мон-

гольской империи, юрты кочевников, как монголов, так и турков, обращены к югу» (Бартольд В.В., 1966а, с. 392–393).

Победа кочевников и образование универсальной империи оказало сильное влияние на «национальные» кочевые предания. В Персии в 1300–1307 гг. для монгольского правителя Газан-хана была составлена всеобщая история, в которой кочевым преданиям отводится исключительно большое место. Перед Рашид ад-Дином, автором этого уникального во многих отношениях сочинения, стояли особые задачи. Образование Монгольской империи и четырех ее улусов было уже свершившимся фактом, которое не нуждалось в идеологическом обосновании. Задача Рашид ад-Дина заключалась главным образом в том, чтобы дать возможно более полное описание уже минувших событий, дать оценку уже свершившимся историческим фактам и включить их во всемирную историю. И он объявляет в предисловии к своему труду, что монгольская эпоха – новая эра в мировой истории, и ее надобно подобающим образом зафиксировать письменно. Начинает он книгу свою с описания истории тюрко-монгольских племен, кстати, представляющую собой богатую сокровищницу материала о религии и верованиях, нравах, обычаях и быте центральноазиатских кочевников, а затем прослеживает хронологию создания Монгольской империи и ее распада на четыре улуса-государства. В этом труде впервые в значительном объеме использована официальная история ханского рода Чингизидов – «алтан дэптэр», хранившаяся в сокровищнице ильхана; кроме того, Рашид ад-Дин черпал сведения о монголах из уст лучшего знатока монгольских преданий и истории Пулад-чэнсяна и из уст монгольского правителя Ирана Газан-хана (1295–1304), уступавшего в знании истории центральноазиатских кочевников только одному Пуладу.

Таким образом, концептуальная основа прежних мусульманских исторических трудов была впервые видоизменена в труде Рашид ад-Дина, который вынужден был воссоздать совершенно иную, не похожую на прежнюю, историческую реальность, связанную с нарушением религиозно-идеологической целостности привычной ойкумены мусульманского историографа. Однако труд Рашид ад-Дина, не утратив ни своей многовековой популярности, ни своего значения в качестве источника неопределимой информации, не стал концептуальным или методологическим образцом для позднесредневековых историков в силу двух главных исторических событий: универсальная империя Чингиз-хана слишком скоро стала историческим прошлым, а ислам столь же быстро утвердился в качестве офи-

циальной религии в созданных Чингизидами государственных образованиях.

Напомню, что во время Чингиз-хана (ум. в 1227 г.) в Монголии был принят и широко распространен уйгурский алфавит. Во времена завоевательных походов вместе с монголами уйгурская письменность пришла на запад – в страну кипчаков, где до того она не была известна, в Мавераннахр и Иран. Сохранилось довольно значительное число документов (грамоты, письма и пр.) уйгурского письма на монгольском и тюркском языках, составленных в Золотой Орде, Чагатайском улусе и в государстве Хулагуидов (см.: Григорьев А.П., 1978, с. 8–12). Известна также версия «Мухаббат-наме», тюркоязычной поэмы золотоордынского поэта середины XIV в. Хорезми, записанная уйгурским письмом и ныне хранящаяся в Британском музее.

К писцам и чиновникам, писавшим документы уйгурским шрифтом, в Туркестане и Иране прилагался особый термин – *бахши*. Как полагает В.В. Бартольд (1963г, с. 99–100), «по-видимому, эти писцы при чагатайских ханах стояли ближе к престолу, чем представители мусульманской культуры, и ведение хроники исторических событий всецело находилось в их руках». В частности, «уйгурскими бахшиями по-уйгурски и уйгурским письмом» была составлена не дошедшая до нашего времени стихотворная хроника походов эмира Тимура под названием «Тарих-и хани», которой в качестве источника воспользовался Йазди, автор «Зафар-наме» (XV в.) и сочинитель «Зубдат ал-асар» Абдаллах б. Мухаммад, среднеазиатский автор первой трети XVI в. Исторические сочинения уйгурских писцов или не дошли до нас, или не введены еще в научный оборот. Зато сохранились рукописи ряда произведений на тюрки (поэтические сочинения, тексты религиозного содержания, а также образцы канцелярских документов и писем среднеазиатских владетелей к иностранным государям), написанных уйгурским алфавитом (Султанов Т.И., 2005, с. 76–77). К подобного рода документам можно отнести и так называемый *Камень Тимура* с надписью, высеченной по распоряжению знаменитого среднеазиатского завоевателя Амира Тимура во время его карательного похода против золотоордынского хана Токтамыша (1391 г.) (см.: Григорьев А.П., Телицын Н.Н., Фролова О.Б., 2004).

Еще одним последствием монгольского завоевания было то, что в политической жизни покоренных монголами стран прочно укрепилась государственная идея, согласно которой ханом может быть только Чингизид, т.е. право Чингизидов править вошло в состав политического обычая, получило народное признание. В этом отношении

весьма показательно, что даже такой завоеватель, как Тимур, объединивший под своей властью Западный Туркестан и Персию, но не имевший никаких наследственных прав на верховную власть, принял титул эмир (бек), возводил на престол подставных ханов из Чингизидов и называл себя представителем «обладателя престола» (сахиб ат-тахт).

С позиции политического сознания той эпохи, только Чингизиды (первые четыре сына Чингиз-хана от его старшей жены Борте, т.е. Джучи, Чагатай, Угедей и Тулуй, и их прямые потомки, которые собственно и составляют алтан уруг) – это правящая монгольская династия. Согласно средневековой монгольской концепции власти, верховная власть в государстве сосредоточена в лице хана. Единственный источник права на верховную власть – это воля «золотого рода»; высшим непосредственным выражением власти «золотого рода» является курултай – собрание царевичей и знати. Ханом может быть любой член алтан уруга, если он будет признан большинством «золотого рода» достойнейшим по своим качествам и утвержден на курултае царевичей и высшей аристократии. Хан, права которого не основаны на признании его со стороны большинства «золотого рода» и утверждении его на курултае, подлежит наказанию. Одно из постановлений Чингиз-хана, по словам францисканца Иоанна де Плано Карпини, гласило: «Всякого, кто, превозносясь в гордости, пожелает быть императором собственной властью, без избрания князей, должно убивать без малейшего сожаления» (Путешествия, 1957, с. 43).

Любой нечингизид, претендующий на статус хана, признается мятежником против воли Неба, а не просто обычным государственным преступлением. Так, к примеру, когда после смерти великого хана Угедея в 1241 г. в дела престола и царства проникла смута, младший брат Чингиз-хана Отчигин-нойон в 1242 г. «захотел военной силой и смелостью захватить престол». Но попытка оказалась неудачной; за это дело он был осужден, признан виновным и предан казни (Рашид ад-Дин, 1960, с 116–119).

В сословие султанов входили разные люди. И конечно, не каждый раз ханом избирался самый храбрый, умный и щедрый из них. Бывало, ничем особым не отличавшийся от своих собратьев султан становился отменным ханом; а бывало и так, что добрый и справедливый в начале своего царствования правитель впоследствии превращался в тирана. Испытание властью – одно из самых сильных испытаний, и вхождение во власть – это обычно путь в незнание. Но все же было немало правителей, которые еще с отроческого возраста проникались искренним желанием осуществить идеал справедливого царя.

В государственной жизни Монгольской империи и образовавшихся после ее распада государств отсутствовали строго фиксированные правила престолонаследия. Такое состояние дел приводило к тому, что после смерти каждого государя разворачивалась борьба за престол между отдельными партиями царевичей и эмиров; причем каждая из соперничающих сторон обосновывала свои права на власть как единственно законные. Столкновение разных прав было результатом того, что право на власть могло выражаться в различных порядках. Таких порядков было, по меньшей мере, четыре.

Политическим идеалом Чингиз-хана, завещанным им своим потомкам, был порядок выборности, согласно которому на престол ханства возводится (самый) способный и достойный по своим качествам представитель «золотого рода», выдвинутый царевичами и знатью. Порядок выборности, по которому личные качества принца становятся превыше всего, не стал, однако, ни единственным, ни основным политическим порядком в чингизидских улусах, хотя он действовал до конца династии Чингизидов.

Другим порядком преемства власти, установившимся в чингизидских улусах, был порядок старшинства, согласно которому преимущественное право на ханство имел старший в ханском роде, и, например, дядя, брат хана, считался старше своих племянников, сыновей хана. Но при этом распорядке бывали случаи, когда престола домогался не брат умершего хана, а сын хана, основывая свое право на свое старшинство лет перед дядей по отцу. В таких случаях возникал спорный вопрос: кто выше по «лествичному праву», младший ли летами дядя или младший по поколению, но старший возрастом племянник? Тогда способом решения политических споров между претендентами на престол нередко становилось поле боя.

В чингизидских улусах мы наблюдаем и такой свободный от очереди старшинства порядок, по которому передача власти происходила в одном поколении – от брата к брату. Этот порядок одни исследователи называют «архаическим порядком престолонаследия» (Г.А. Федоров-Давыдов), а другие – «удельной лествичной системой» (Л.Н. Гумилёв). Назовем его престолонаследием по горизонтальной линии. Действие этого порядка хорошо иллюстрируют политические события в Чагатайском государстве и Казахском ханстве.

Наблюдения показывают, что нередко престол занимали в порядке прямого наследования, т.е. власть переходила непосредственно от отца к сыну (а при смерти или болезни сына – к внукам). Переход ханского достоинства по прямой восходящей линии не вызывал осо-

бого сопротивления, и потому в политической жизни чингизидских улусов и образованных на их развалинах государствах этот порядок престолонаследия соблюдался на протяжении многих десятилетий кряду (Султанов Т.И., 2006, с. 88–92).

Каждый из перечисленных выше порядков престолонаследия признавался традицией правильным, и вопрос о предпочтении того или иного из них решался всякий раз с учетом конкретных обстоятельств. Поэтому, по замечанию В.В. Бартольда (1963г, с. 109), обсуждение вопроса о том, какой из Чингизидов в том или другом случае имел больше прав на престол, и было ли избрание того или другого хана законным, не является корректным.

Передача верховной власти преемнику происходила разными путями. Одним из них было духовное завещание. Хотя передача власти по завещанию и не была ни общим фактом, ни общепризнанным правилом, она практиковалась на всем протяжении существования династии Чингизидов, начиная с самого Чингиз-хана и его наследника Угедей-хана (ум. 1241) и заканчивая ханами Казахских степей XIX в. Наследник престола определялся по усмотрению завещателя и обычно объявлялся заранее. Чтобы завещательное распоряжение государя получило большую гласность, в некоторых случаях имя законного наследника престола упоминалось в хутбе (проповедь по пятницам в мечети) и чеканилось на монетах с титулом «наследник престола». Как показывают материалы источников, наследником престола по завещанию являлся, прежде всего, сын завещателя (завещания Чингиз-хана, Шейбани-хана, Букей-хана и др.) или его брат (завещания Газан-хана, Мухаммад Гирей-хана, Абд ал-Азиз-хана и др.), даже при сыновьях. Политическое завещание делалось устно, в присутствии членов царствующего дома и знати, или письменно, и те давали письменное заверение-клятву исполнить духовное завещание.

Бывало, государи уступали престол своим наследникам при жизни. В одних случаях это происходило добровольно, вследствие болезни государя. Так, например, под конец своей жизни хивинский хан Абу-л-Гази (годы жизни 1603–1664) заболел, поручил управление ханством своему сыну Ануша-султану и всецело отдался работе над историческим трудом «Родословное древо тюрков», который он диктовал четырем писцам (см.: Султанов Т.И., 1986, с. 102).

Иногда государи уступали престол своим наследникам или соперникам при жизни под давлением. Чтобы придать делу благородный вид, в одних случаях отказ государя от престола объясняли поданным, например, его законным желанием совершить паломничест-

во в Мекку (хадж), так как хадж царствующего государя рассматривался в некоторых частях мусульманского мира, в частности, в Средней Азии, как добровольный отказ от престола. Есть случаи, когда царствующего хана свергали под тем предлогом, что «он помешанный». Иногда в оправдание низложения и даже убийства царствующего хана приводилось то, что он лишался своих прав вследствие своего развратного, недостойного престола образа жизни и многократных нарушений Ясы Чингиз-хана [подробно о практике престолонаследия см.: (Султанов Т.И., 2001, с. 86–96; 2006, с. 92–102)].

При ослаблении ханской власти и пресечении династии власть, бывало, переходила в главарям тюрко-монгольских кочевых родов и племен. Так, в государстве, основанном монголами в Средней Азии, в 30–40 гг. XIV в. происходили смуты, которые в Мавераннахре привели к переходу власти после убиения Чагатаида Казан-хана в 747/1346–1347 г. от потомков Чингиз-хана к тюркской кочевой знати – эмирам (бекам) – таким как Казаган (ум. 1358) и вышеупомянутый Амир Тимур (ум. 1405). Поскольку понятие о наследственных правах Чингизидов на власть сохранялось строго, то здесь, в Средней Азии, возник институт подставных ханов: для придания законности своим действиям Казаган и Тимур провозглашали ханом кого-либо из потомков Чингиз-хана, управляя формально от его имени, фактически же – единовластно (см. подробнее: Султанов Т.И., 2006, с. 106–112).

В Центральной Евразии право Чингизидов на власть оставалось непререкаемым долгое время, оказывая огромное влияние на идею суверенности политических образований. Лишь со второй половины XVIII столетия в Средней Азии местные временщики (которые в Бухаре назывались *аталык*, т.е. «заступивший место отца», а в Хиве – *инак*, т.е. «доверенное лицо», «наперсник») начали присваивать себе права государей и титул хана (см.: Бартольд В.В., 1963а, с. 278–279; Кюгельген А. фон, 2004; Sela R., 2003).

Из четырех монгольских улусов-государств, на которые распалась Монгольская империя в XIII в., особое значение для политической и этнической истории тюрков Центральной Азии имело государство Золотой Орды (Джучиев Улус) после ее исламизации в первой половине XIV в. Несколько десятков тысяч монголов, поселившихся в Джучиевом Улусе, растворились среди тюрков Великой Степи и тем самым усилили их политически. Вновь складывающиеся племена и новая племенная аристократия переместились в нижние слои политической организации кочевого общества, а на самом верху оказались те группы военной знати, которые были генеалогически связаны

с «золотым родом». К концу XIV в. империя была настолько полностью тюркизирована, что могла считаться «монгольским государством» лишь в династийном отношении, являясь на самом деле тюркской страной по культуре, этническому составу и т.д. (Усманов М.А., 1979, с. 100).

После распада Золотой Орды в XV в. на ее развалинах образовалось несколько новых тюркских государств, возглавляемых Чингизидами из потомков Джучи, старшего сына Чингиз-хана: Крымское ханство, Казанское ханство, Астраханское ханство, Казахское ханство, Сибирское ханство на Иртыше, около современного Тобольска, а также ряд других политических единиц – Большая орда (в степях между Волгой и Днепром), Ногайская Орда (с центром в местности по нижнему течению Яика). Центральноазиатское слово *татары* превратилось в самоназвание тюркоязычного населения Поволжья (от Казани до Астрахани), Крыма и части Западной Сибири. В государстве Золотой Орды возникли также названия *узбеки* и *ногаи* по имени Чингизидов (Узбека и Ногая) из Джучиева Улуса.

Историческая судьба всех вышеперечисленных политических образований оказалась тесно связанной с судьбой Руси-России, которая, во второй половине XV в. полностью освободившись от монголо-татарского ига, в XVI столетии превратилась в сильное государство с центром в Москве. Взаимодействие России с политическими наследниками Золотоордынского государства привело к тому, что все они (каждый в свое время) были включены в состав Русского государства.

В начале XVI в. часть кочевых племен Восточного Дешт-и Кипчака, известная под общим собирательным именем узбеки, под предводительством Шибанидов (потомков Шибана, восьмого сына Джучи, старшего сына Чингиз-хана) двинулись на юг, овладели государством Тимуридов и основали два самостоятельных ханства – Бухарское ханство в Мавераннахре и Хивинское ханство в Хорезме. В Бухарском ханстве Шибанидов, с центром сначала в Самарканде, а затем в Бухаре, в 1601 г. произошла смена династии: место потомков Шибана заняли на троне Бухары потомки его младшего брата Тукай-Тимура, 13-го сына Джучи, старшего сына Чингиз-хана, а новая династия получила название Джанидов (по имени первого избранного хана Джани-Мухаммада), или Аштарханидов (по месту происхождения их из Аштархана (Астрахани)) и правила в Мавераннахре до 1785 г. (Алексеев А.К., 2006).

Для нашей темы важно отметить, что в 1635 г. племенами западных монголов, известными как ойраты (по мусульманским источ-

никам – калмаки), было основано кочевое государство, получившее в научной литературе название «Джунгарское ханство». Это государство просуществовало до 1758 г. и было последним по времени сильным кочевым государством в истории Центральной Азии (Златкин И.Я., 1983).

Между этими государствами шли постоянные военные столкновения, потрясавшие страну. Кровавая борьба происходила не только между отдельными центральноазиатскими государствами, но и между отдельными элементами, в частности, каждым из тюркских государств. Феодалная раздробленность достигла своего апогея к началу XVIII столетия: в Бухаре хан сделался игрушкой в руках главварей узбекских (дештских) племен, а в Хиве династия Чингизидов прервалась в конце XVII в., и вся власть в стране перешла в руки предводителей узбекских кочевых родов = дештцев, самыми influentialными из которых был инак узбекского племени конграт.

Во второй половине XVII – начале XVIII в. шли постоянные войны между казахами и ойратами (калмаками) за обладание Семиречьем, зачастую завершавшиеся подлинным геноцидом. Так, в 1723–1727 гг., запечатленных в народной памяти казахов как «годы великого бедствия», значительная часть казахского народа была вырезана джунгарами. Неудачи на фронтах войны с джунгарами и, как следствие, потеря казахами значительной части кочевий усиливали внутренние неурядицы и, прежде всего, борьбу за пастбища среди самих казахов. Возникавшие междоусобия создавали условия и предпосылки для нарушения традиций и вели к подрыву норм общественной и государственной жизни. Отсутствие сильной ханской власти, раздробленность страны на враждовавшие между собой владения, расшатавшиеся общественные устои не позволяли мобилизовать все наличные силы для общей обороны от внешнего, иноплеменного и более сильного врага – джунгаров, которые мечтали поработить государство казахов, а также установить контроль над среднеазиатскими городами и торговыми путями.

Для казахского народа выходом из создавшегося чрезвычайного положения в связи с внешнеполитической опасностью и внутренними неурядицами могли стать действенная помощь и поддержка могучего сюзерена-покровителя.

Геополитическая реальность предопределила лишь три альтернативы, о которых яснее других написал профессор С.Г. Кляшторный:

– туркестанскую, т.е. бухаро-хивино-кокандскую, где казахи, как и киргизы, оказались бы в рамках традиционных неустойчивых

деспотических режимов, не создавших условий ни внутренней, ни внешней безопасности;

– китаецентристскую, означавшую «синьцзянизацию» всего Среднего жуза казахов;

– российскую, связанную с формированием новой многонациональной и поликонфессиональной Российской империей (Кляшторный С.Г., 2006, с. 28–29).

«Только последняя альтернатива, – продолжает далее С.Г. Кляшторный, – оказалась достаточно эффективной и действенной во всех упомянутых аспектах. Несмотря на все несомненные, зачастую тяжелейшие издержки, именно евразийская альтернатива позволила казахскому народу, сохранив национальную идентичность, выйти к иному, чем в исторически недавнем прошлом, уровню цивилизации». Пишущий эти строки вполне разделяет мнение своего учителя – крупнейшего исследователя и знатока истории и истории культуры народов Центральной Азии.

T.I. Sultanov

NEW STAGE OF IMPERIAL POLITOGENESIS IN THE CENTRAL ASIA AND ITS CRISIS (13th-18th cc.)

Creation of the empire of Chinggis Khan became a new stage of political development of Central Asia region with breaking of previous political institutions, ways of legitimacy of power and administrative system. Author characterizes main changes of political structure of the Mongol Empire and Chinggisid states, examines basic principles of coming to power of khans as well as their relations with subjects, observes the evolution of imperial political institutions during the period of crisis of Chinggisid administrative system – because of disintegration of imperial states and rise of new states in regions belonged to the Mongol Empire before. Also author analyses opinions of another researchers on role of Chinggis Khan and Chinggisids in politogenesis of Central Asia, level of changes made the in political and social-economical life of reduced states and peoples. Author finds that even several centuries after fall of the Mongol Empire some Chinggisid political principles were still alive in different states of the Central Asia.

Key words: *Central Asia, Mongol Empire, Chinggis Khan, Chinggisids, Turkic-Mongol states, politogenesis, administrative system, legitimacy of power.*

Библиографический список

Алексеев А.К. Политическая история Тукай-Тимуридов: по материалам персидского исторического сочинения «Бахр ал-асрар». СПб., 2006. 229 с.

Ахмедов Б.А. Улугбек и его исторический труд «Та'рих-е арба' улус» // *Общественные науки в Узбекистане*. 1994. №7. С. 10–15.

Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Бартольд В.В. Сочинения. М., 1963. Т. I. С. 43–610.

Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана // Бартольд В.В. Сочинения. М., 1963а. Т. II, ч. 1. С. 167–433.

Бартольд В.В. История Туркестана // Бартольд В.В. Сочинения. М., 1963а. Т. II, ч. 1. С. 107–166.

Бартольд В.В. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира // Бартольд В.В. Сочинения. М., 1963б. Т. II, ч. 1. С. 649–772.

Бартольд В. К вопросу о погребальных обрядах турков и монголов // Бартольд В.В. Сочинения. М., 1966а. Т. IV. С. 377–396.

Бартольд В.В. Теократическая идея и светская власть в мусульманском государстве // Бартольд В.В. Сочинения. М., 1966б. Т. VI. С. 303–319.

Бартольд В.В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии // Бартольд В.В. Сочинения. Т. V. М., 1968а. С. 17–192.

Бартольд В.В. История турецко-монгольских народов // Бартольд В.В. Сочинения. М., 1968б. Т. V. С. 193–229.

Бартольд В.В. Обзор истории тюркских народов // Бартольд В.В. Сочинения. М., 1968в. Т. V. С. 425–437.

Бартольд В.В. Рецензия на кн.: Б.Я. Владимирцов. Чингис-хан (1922) // Бартольд В.В. Сочинения. М., 1968г. Т. V. С. 446–453.

Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934. 223 с.

Григорьев А.П. Монгольская дипломатика XIII–XV вв. (чингизидские жалованные грамоты). Л., 1978. 136 с.

Григорьев А.П., Телицын Н.Н., Фролова О.Б. Надпись Тимура 1391 г. // *Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки*. 2004. Вып. 21. С. 3–24.

Златкин И.Я. История Джунгарского ханства 1635–1758. М., 1983. 333 с.
История Казахской ССР. С древнейших времен до наших дней. Алма-Ата, 1979. Т. 2. 424 с.

Кляшторный С.Г. Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. СПб., 2006. 591 с.

Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д. Империя Чингисхана. М., 2006. 557 с.

Кычанов Е.И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М., 1997. 319 с.

Кюгельген А фон. Легитимация среднеазиатской династии мангитов в произведениях их историков (XVIII–XIX вв.). Алматы, 2004. 516 с.

Книга Марко Поло о разнообразии мира, записанная пизанцем Рустикано в 1298 г. от Р.Х. Алматы, 2004. 616 с.

Муджмал-и Фасихи. Муаллиф Фасих Ахмад б. Джалал ад-Дин Хавафи, ба тасхиху тахшийа-йи Махмуд Фаррух. Мешхед, 1960–1962. Т. 1–2.

Мэн-да бэй-лу («Полное описание монголо-татар»): факсимиле ксилографа: пер. с кит., введ., комм. и прилож. Н.И. Мункуева. М., 1975. 283 с.

Петрушевский И.П. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII–XIV вв. М.; Л., 1960. 492 с.

Петрушевский И.П. Поход монгольских войск в Среднюю Азию в 1219–1224 гг. и его последствия // Татаро-монголы в Азии и Европе: сб. ст. М., 1977. С. 107–139.

Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957. 271 с.

Рашид ад-Дин. Сборник летописей / пер. с перс. О.И. Смирновой; прим. Б.И. Панкратова и О.И. Смирновой; под ред. А.А. Семенова. М.; Л., 1952. Т. I, кн. 2. 316 с.

Рашид ад-Дин. Сборник летописей / пер. с перс. Ю.П. Верховского; прим. Ю.П. Верховского и Б.И. Панкратова; под ред. И.П. Петрушевского. М.; Л., 1960. Т. II. 253 с.

Сандаг Ш. Образование единого Монгольского государства и Чингисхан // Татаро-монголы в Азии и Европе: сб. ст. М., 1977. С. 23–45.

Султанов Т.И. Позднесредневековая мусульманская историография // Народы Азии и Африки. 1986. №3.

Султанов Т.И. Зерцало минувших столетий. Историческая книга в культуре Средней Азии XV–XIX вв. СПб., 2005. 304 с.

Султанов Т.И. Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть. М., 2006. 445 с.

Трепавлов В.В. Государственный строй Монгольской империи XIII в. Проблема исторической преемственности. М., 1993. 168 с.

Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв. Казань, 1979. 319 с.

Хамдаллах Мустауфи Казвини. Зайл-и Тарих-и Гузида (Дополнение к «Избранной истории»): вступ. ст., пер с перс., прим. и указ. М.Д. Кязимова, В.З. Пириева. Баку, 1986.

Sela R. Ritual and Authority in Central Asia: The Khan's Inauguration Ceremony (Papers on Inner Asia. No. 37 Indiana University Research Institute for Inner Asian Studies). Bloomington, Indiana? 2003. 79 p.

The Tarikh-i Jahan-gusha of Alaud-Din Ata Malik-i Juwaini... / Ed. By Mirza Muhammad ibn Abdul Wakhab-I Qazwini. Leyden; London, 1912–1937. Pt. 1–3.